

The articles "The Word in Defence of Polygraph Polygraphovich" and "The Word in Defence of Ivan Prisyppkin" present a research dilogy which considers the plot circumstances of the story by M. Bulgakov "The dogs heart" and the play by V. Mayakovskiy "The bug". Attention is paid to the traditional developed Russian literature topic of "a little man". The articles note complication of the approach of these literary men to the estimation of the characters of Polygraph Polygraphovich and Ivan Prisyppkin.

УДК 800.61(56)

Венскович М.С., Венскович С.В.

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ ИСТИННОСТИ, ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРАВИЛЬНОСТИ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОТМЕЧЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Введение. Современный период в развитии науки в целом характерен общей тенденцией к интеграции, синтезу накопленных знаний, что проявляется в повышенном интересе к разработке проблем, возникающих на «стыке наук». К числу таких проблем относится весьма актуальная в настоящее время как в логико-философском, так и в лингвистическом плане проблема роли и места языка в процессе познания. Частным аспектом этой проблемы является вопрос о возможности адекватного отражения структуры единой объективной реальности из области как материальных, так и духовных явлений в семантико-синтаксической структуре высказывания.

Когда очевидной стала неудача теорий языка, односторонне ориентированных на внешнюю форму, возрос интерес к содержательной стороне языка, в частности, все заметнее становится крен в сторону изучения предложения или высказывания, в его непосредственном отношении к выражаемому им смыслу и отображению в нем некоторого фрагмента действительности.

Языковая коммуникация в человеческом обществе основана не на каких-то изолированных элементах, а строится из относительно законченных грамматических конструкций, содержащих смысловую ценность, а именно из предложений-высказываний. Благодаря предложению, как полноценной коммуникативной единице языка, возможно установление взаимопонимания между говорящим и слушающим, а также осуществление передачи некоторой информации, сообщения, смысла, где особую остроту и актуальность приобретает задача адекватного выражения в грамматической структуре высказывания структуры отображаемой действительности. При решении данного вопроса возникают серьезные трудности, вызванные как онтологическими характеристиками предложения как одной из основных единиц языка, представляющей собой коммуникативную единицу, так и множеством точек зрения на его семантику. В связи с этим содержательная интерпретация предложения, формирование его смысла требует своего всестороннего освещения.

Современная логика подошла к изучению значения языковых выражений, в частности смысла, как к проблеме их понимания. Известно, что понимание является второй стороной процесса коммуникации и поэтому его нельзя отрывать от аспекта формирования высказывания, где грамматические правила соединения единиц языка и лексико-семантические ограничения в сочетаемости слов создают условия для формальной (грамматической) и семантической (смысловой) правильности высказывания, то есть делают предложение как грамматически, так и семантически отмеченным.

Понятие правильности высказывания, рассматриваемое в современной логике, оказывается весьма важным и для анализа формально-смысловой отмеченности предложения. Одной из специфических особенностей интерпретации правильности высказывания в логике является то, что она (правильность) рассматривается в тесном взаимодействии с истинностью высказывания. Логическая характеристика правильности высказывания есть прежде всего правильность формальной организации мысли, в то время как истин-

ность высказывания представляет собой характеристику конкретного содержания мысли.

Соотношение истинности и ложности высказывания, с одной стороны, и отмеченности предложения – с другой, претерпевает значительное усложнение при переходе к естественному языку. В первую очередь это проявляется в том, что если в логике истинность высказывания оказывается в конечном итоге решающим критерием для оценки его отмеченности, то в применении к естественному языку истинность или ложность содержания какого-либо высказывания оказывается не столь существенным для оценки его отмеченности (grammaticality). Объясняется это, скорее всего, тем, что любое высказывание естественного языка характеризуется планом выражения и планом содержания, то есть во всяком высказывании можно выделить формально-синтаксический и семантико-понятийный аспекты. При соотношении семантико-понятийного аспекта с реальной действительностью высказывание квалифицируется по линии истинности или ложности, что позволяет признать семантически правильными (отмеченными) все высказывания, являющиеся или истинными, или ложными, однако наличие в языке таких вполне осмысленных предложений, как «Пегас не существует» и т.п., которые не могут быть квалифицированы по линии истинности/ложности, заставляет усомниться в абсолютной достоверности этого тезиса.

Актуальность проблематике правильности высказывания придавала в свое время разработка теории порождающих грамматик, когда встал вопрос о том, какое предложение считать правильным или отмеченным в естественном языке и как отделить грамматически правильные конструкции от грамматически неправильных. В таком случае указывают обычно на известные примеры Н.Хомского [1]: Colorless green ideas sleep furiously; Furiously sleep ideas green colorless, который указывал на то, что эти предложения равно бессмысленны, но любой носитель английского языка назовет грамматически правильным лишь первое. Но А.Хилл, усомнившись в словах Хомского и желая проверить этот тезис на практике, провел своеобразный эксперимент и показал [2], что в ряде случаев информанты посчитали и второе предложение (Furiously sleep ideas green colorless) верным, а один из них сказал, что это предложение более приемлемо по стилистическим соображениям. Разумеется, что оба предложения подвергаются некоторому осмыслению, но только с точки зрения формально-грамматической, и уж никак нельзя определить в них констатацию какого-либо утверждения относительно неязыковых фактов.

Возникающие при подобном эмпирическом подходе трудности связаны прежде всего с преобладающим влиянием психологической установки и существующей разницей в общеобразовательном уровне. Так, например, высказывание «Некоторые рыбы с непарными плавниками не являются китами» может быть воспринято информантами как семантически неотмеченное, или же ложное, если информанты не обладают достаточной подготовкой по логике. В действительности же это вполне корректное частноотрицательное суждение, являющееся выводом по пятому модусу четвертой фигуры категорического силлогизма [3]. Правильному восприятию этого вы-

Венскович Михаил Станиславович, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков технических специальностей Брестского государственного технического университета Брестского государственного технического университета.

Венскович Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономических специальностей Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

сказывания при недостаточной профессиональной подготовке мастера, видимо, предположение, что кит не рыба, хотя в действительности это предположение ему не противоречит.

Исследуя отмеченность высказывания, С.Лэмб [4] приводит примеры, из которых первый является грамматически отмеченным, но семантически бессмысленным: *Tomorrow the sleeping table married its jumping lake*, а второй как семантически, так и грамматически неотмеченным: *lake table jumping sleeping it's the married tomorrow*. И если в первом примере правила синтаксической сочетаемости слов в английском языке допускают подобную последовательность и взаимосвязь лексем, то со стороны семантического содержания нет даже приблизительной связи такого рода «вещей» в реальной действительности. Во втором же примере такая комбинация языковых знаков противоречит не только семантическим, но и грамматическим канонам. Кроме того, подобного рода искусственное соединение словоформ в целое предложение (а они, как правило, являются эквилибристикой ума лингвистов) свидетельствует о несущестственности понятия истинности и ложности содержания высказывания для формальной (грамматической) правильности предложения, чего никак нельзя сказать в отношении семантической отмеченности.

Интересно, что, по мнению Дж.Ферса [5], встречающиеся в учебниках по грамматике английского языка высказывания типа *I have not seen your father's pen, but I have read the book of your uncle's gardener* («Я не видел ручки твоего отца, но я прочел книгу садовника твоего дяди») имеют только грамматическое значение, но с точки зрения смыслового содержания они бессмысленны. В то же время Дж.Кац [6], анализируя подобные предложения по степени их структурной и семантической приемлемости, делает различия между полусмысленными и бессмысленными предложениями.

Исследование языковых структур, подобных приведенным выше, еще раз убеждает в том, что грамматическая структура языка тесно связана с его семантикой. По словам М.Н.Правдина, если исходить из критерия «приемлемости» предложения для носителя данного языка, то оказывается, что провести пограничную черту между отклонениями от семантических закономерностей и отклонениями от грамматических закономерностей на строго научной основе очень часто просто невозможно. Например, предложение «Перец чихает меня» [7], явно неправильное, может быть, однако, понято именно в том смысле, в каком мы употребляем предложения «Перец заставляет меня чихать» или «Я чихаю от перца». Таким образом, грамматическая и семантическая стороны предложения естественного языка тесно связаны между собой и грамматическая правильность в чистом виде может быть продемонстрирована только при полном абстрагировании от семантической стороны.

Исходя из того, что закономерности, от которых отклоняется предложение, могут быть либо грамматическими, либо семантическими, естественно задать вопрос, следует ли из этого, что грамматически правильное, но непонятное предложение должно оцениваться как семантически неправильное? По мнению М.Н.Правдина понятия «неправильное предложение» и «непонятное предложение» – не тождественные понятия.

Понятия правильности и понятности предложения нельзя, на наш взгляд, не только отождествлять, но и даже соотносить друг с другом, так как это понятия разных планов. Если речь идет о понятности или непонятности предложения, то в первую очередь имеется в виду его информативность, его способность передавать какую-то внеязыковую информацию. Если же речь идет о правильности или неправильности предложения, то мы оцениваем его с точки зрения соответствия определенным эталонам или нормам языка. Конечно, такая грамматическая конструкция как «Студенты сдавать трудный экзамен» тоже может быть определенным образом понята, истолкована, но это отнюдь не говорит еще о ее правильности, приемлемости в отношении норм данного языка. То или иное истолкование этого предложения определяется тем, что все языковое общение основано на том, чтобы воспринимающий сообщение непременно искал в нем какой-то смысл. Поэтому всякая возможность опреде-

ленного истолкования не вполне понятного предложения и семантическая правильность предложения – не одно и то же.

Осмысленными, семантически правильными предложениями считаются не только предложения типа «Кентавр выпил круглый квадрат», но и такие предложения как «Солнце пахнет травами» [7, с. 23], ибо между ними нет никакой принципиальной разницы, так как последнее предложение также кажется бессмысленным на том основании, что солнце не может пахнуть, как и кентавр не может выпить круглый квадрат. Все дело в том, что, оценивая такие предложения как непонятные или бессмысленные, мы выходим за пределы лингвистических критериев и говорим уже о несоответствии этих предложений каким-то эталонам другого рода, о бессмысленности (абсурдности) их с точки зрения логики.

Вообще необходимо сказать, что в большинстве случаев грамматическую правильность и семантическую отмеченность отличают от логической правильности (истинности) [8]. Считается, что такие высказывания как «Трава – железная» и т.п. обладают семантической правильностью, но со стороны логической правильности они абсурдны. Этот вывод основывается на утверждении, что по модели подобных предложений может быть построено множество семантически правильных высказываний, а логическая абсурдность не имеет содержательного смысла. Отмеченность предложения не имеет ничего общего в этом плане с признаком осмысленности, и она поэтому индифферентна к смысловому абсурду, ибо если слова не отражают действительности или ложно отражают ее, но грамматические их связи правильны, то и предложение получается правильное.

При исследовании отмеченности предложения выделяют иногда несколько типов собственно семантических отклонений от смысловой правильности высказывания. Так, например, Н.Д.Арутюнова [9] вычленяет эмпирические семантические отклонения, или прагматические, и алогичные. Первые состоят в том, что они обозначают аномальные, несоответствующие «устройству мира» ситуации, например: «Сигарета говорила два яблока под желтым часом», «Я купил в парфюмерии два метра небоскребов и веселого ихтиозавра в фарфоровой шляпе» и т.п. В логике такие высказывания принято называть эмпирически ложными и в то же время бессмысленными. Их отрицательные корреляты оцениваются как истинные и осмысленные (ср. «Ложно, что я купил в парфюмерии два метра небоскребов...»). Для того, чтобы стать истинными, предложения с отклонениями этого типа должны быть отнесены к «иным мирам», например, миру сказок, фантастики.

Отклонения второго типа – алогичные – представлены двумя разновидностями: первую разновидность создают внутренне противоречивые предложения («Жил высокий человек маленького роста»), обладающие признаком аналитической ложности. Отрицательные корреляты этих высказываний истинны (ср. «Ложно, что жил высокий человек маленького роста»). Вторая разновидность алогичных высказываний порождена, согласно автору, нарушением непреложных норм человеческого мышления. Именно предложения, нарушающие универсальные законы мышления, могут рассматриваться как лишённые смысла, именно к ним не применима истинностная оценка. Логический статус их положительной и отрицательной формы одинаков: они представляют собой нонсенс. Если первые две разновидности могут быть использованы в целях шутки, мистификации, то бессмысленные предложения, нарушающие строй и способ человеческого мышления, ни в каких естественных целях не возникают, их придумывают логики и лингвисты.

Такой подход к оценке смыслового содержания предложения свидетельствует о том, что правильность семантической структуры высказывания рассматривается не как ее абсолютное и неизменное свойство, а как свойство относительное, зависящее от речевой ситуации. То есть, неязыковые процессы развития науки и техники и внутренние языковые процессы, приводящие к изменению значения отдельных языковых единиц и их сочетаний, могут превратить бессмысленное высказывание в семантически правильное и наоборот. С другой стороны, в пределах единого синхронического среза то, что является, например, бессмысленным в техническом тексте, может быть осмысленным в другой ситуации, скажем, на страницах фанта-

стического романа, сказки и т.д. Таким образом, правильность высказывания должна быть квалифицирована не только и не столько как правильность языковой формы, но и как правильность отображения некоторого фрагмента действительности в высказывании. Иными словами, «критерий семантической правильности означает осмысленность представления реальной ситуации, в которой все части отображены в такой связи, в которой находятся «вещи» в действительности» [8, с. 163].

Заключение. Грамматическая правильность высказывания находится во взаимодействии с семантической правильностью, поэтому отмеченность предложения должна ограничиваться пределами языковой нормы. В то же время семантическая правильность предложения на самом деле еще не означает логической истинности или ложности высказывания. Этот критерий необходимо отнести не к языку, а к научной проверке содержания высказывания, то есть к практике. То, что высказывание «Солнце вращается вокруг Земли» ложно, не так существенно для языка, как принципиально важно наличие определенного соответствия грамматического оформления и семантического наполнения, иначе говоря, соответствие грамматики и семантики. Следовательно, для лингвистического анализа следует признать корректным такое высказывание, в котором взаимодействуют только грамматическая и семантическая правильность, но для выполнения языком своей коммуникативной функции необходимо привлечение еще и компонента логической истинности или ложности.

Практическая важность не только критерия осмысленности, но и критериев грамматической правильности и семантической отмеченности, ставящих предел бесконтрольному образованию бессмыс-

ленных фраз, достаточно очевидна. Для того, чтобы некоторую последовательность словоформ можно было считать предложением естественного языка, выполняющего в силу своей специфики коммуникативную функцию, необходимо соотносить ее с объективной действительностью, в противном случае, мы получим не само предложение, а всего лишь некоторую его модель типа «Книга летала благодаря курению дивана». Отсюда понимание модели предложения и понимание предложения, отмеченного в языке, представляется совершенно различным. Именно социальная природа языка не позволяет признать построение подобного типа предложением-высказыванием.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хомский, Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2.
2. Хилл, А. О грамматической отмеченности предложения // ВЯ. – М., 1962. – № 4.
3. Кондаков, Н.И. Логический словарь. – М., 1971. – С. 579.
4. Lamb, S.M. Lexicology and Semantics // Linguistics Today. – London, 1969. – P. 47.
5. Ферс, Дж. Техника семантики // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 84.
6. Katz, J. Semi-sentences // The structure of language. – Englewood, 1964.
7. Правдин, М.Н. Логика и грамматика – М., 2003. – С. 23.
8. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975. – С. 163.
9. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 2005. – С. 70.

Материал поступил в редакцию 01.09.10

VENSKOVICH M.S., VENSKOVICH S.W. The correlation of logical truth, grammaticality and semantics correctness of utterance

The article deals with the problem of interaction of logics laws, grammar and semantics in the process of forming the according structure of the utterance and their role for its function in communication, it discovers the understanding of utterance logical correctness of formal idea reflection, but the truth of the utterance is the characteristics of the thought content. On the basis of the actual material the mechanism of the influence of language norm on the correct grammar structure of the utterance, the real situation and semantical meaning are discussed.

УДК 821

Коновод Л.М.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. ЯНДЛЯ И ВС. НЕКРАСОВА

Введение. Середина XX века в истории литературы, русскоязычной и зарубежной, – время особых процессов. Как указывает известный российский литературовед А. Каломиров, «эстетика нового русского искусства (и поэзии в частности) создавалась на базе отрицания мертвешей к концу 50-х годов художественной системы, за которой закрепилось название «искусства соцреализма». Подцензурная русская поэзия 60-х годов в историко-культурном отношении выполняла чисто негативную функцию: она «открывала» целые области культуры, слои быта, табуированные, исключенные из словесного бытия в литературе подцензурной» [1]. В данный период проходят этап своего становления и развития такие авангардистские явления, как группа СМОГ («Самое Молодое Общество Гениев», другой вариант расшифровки названия «Смелость. Мысль. Образ. Гениальность»); группа «Хеленуктов» с их эстетикой абсурдного; школа конкретной поэзии, где проповедуется поэтика вещей, показа взамен рассказа; концептуальное искусство, по-новому представляющее привычные заидеологизированные фразы-концепты; лианозовская группа, через эстетику черного юмора, в минималистских, псевдонаивных произведениях приоткрывающая правду о существовании в стране Советов.

Схожие тенденции к радикальному обновлению художественных

средств, нарастающая проблематизация языка, идеи спонтанности и адогматичности творчества прослеживаются и в зарубежных течениях и направлениях данного периода.

Теория и практика лианозовской группы, как в фокусе, собирает самые характерные черты неофициального искусства СССР 50–60 гг. XX века. Группа объединила художников В. Немухина, Л. Мастеркову, Н. Вечтомова, поэтов Вс. Некрасова, Г. Сапгира, И. Холина, Яна Сатуновского, встречавшихся в бараче (еще одно название объединения – барачная поэзия) на станции Лианозово, что под Москвой, в квартире поэта и художника Е. Кропивницкого и его семьи, тоже художников, – О. Потаповой, Л. Кропивницкого, В. Кропивницкой. Говоря о зарождении этого объединения, необходимо привести цитату из знаменитой объяснительной записки МОСХу 1963 года Е.Л. Кропивницкого по поводу «создания им лианозовской группы»: «Лианозовская группа состоит из моей дочки Вали, внучки Кати, внука Саши и его отца Оскара Рабина, которые живут в Лианозове». И на самом деле, лианозовцы – это группа друзей и единомышленников, каждый из которых обладает своим индивидуальным поэтическим голосом. Отчасти представители данного объединения продолжатели традиций футуризма, движения УЛИПО, ОБЭРИУ, сюрреализма в том объеме, который был доступен в подцензурном искусстве СССР. Если

Коновод Людмила Михайловна, старший преподаватель кафедры классической и современной зарубежной филологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.